

**Виталий Лазаревич Гинзбург (1916 – 2009)
(Ни дня без открытия!)**

*Казалось бы, я должен был ассимилироваться.
Но это совершенно не так, я даже помыслить
никогда не мог и не могу об отречении
от своего народа.*

В. Л. Гинзбург, Автобиография [1]

*Заниматься наукой, физикой, во всяком случае,
на сколько-нибудь высоком уровне, совершенно
невозможно..., не имея мировоззренческих
позиций, не задумываясь о философских
вопросах.*

В. Л. Гинзбург, Там же

Эта статья посвящена памяти великого физика и человека. В её основу положены, однако, только впечатления о нескольких встречах и беседах, и лишь вскользь упоминаются научные достижения, отражённые в многочисленных научных статьях (около 400) и книгах (10) – основном наследии большого учёного. Причина этого не случайна. Описание научных достижений **В. Л. Гинзбурга**, вехи его биографии уже содержатся в ряде статей. Появятся, уверен, и специально ему посвящённые книги. Он прожил длинную жизнь, стал автором множества важных научных результатов, создал большую школу, получил престижнейшие научные награды. Возникает вопрос – какое лично я имею право о нём писать? Я не биограф Виталия Лазаревича, не историк науки, не был его учеником. Мои собственные работы, наконец, мало пересекаются с тем, что разрабатывал столь успешно Виталий Лазаревич¹. И, тем не менее, был круг вопросов, на мой взгляд, достаточно общих и интересных, которые привели к переписке, да и к разговорам – лично и по телефону. Последний раз я звонил к нему в июне 2009 г. Передо мною, как напоминание о живом, книги с его дарственными надписями, присланные незадолго до этого разговора [2-4].

Он читал некоторое из того, что я писал по социально-политическим вопросам, нередко комментировал прочитанное, интересовался моим мнением по поводу происходящего в Израиле, обычно выражал поддержку. Касались мы и других вопросов – о еврействе, о религии, об объективной оценке труда научного работника, о справедливости в присуждения Нобелевской премии по физике. Именно обо всём этом я и расскажу в данной заметке. Намерен в основном говорить о тех вопросах, которые с ВЛ обсуждал лично. Конкретно, коснусь так называемого «плана Гинзбурга» урегулирования арабо-израильского конфликта, отношения ВЛ к своему еврейству [5] и еврейскости вообще, к религии [6], к Израилю и проблеме поселений и их жителей, к политической левизне и её роли в применении опять-таки к Израилю. Из других проблем опишу наше обсуждение того, почему и СССР и Россия имеют относительно малое число Нобелевских лауреатов по физике и роль индекса цитирования в оценке научного работника.

¹ Позволю далее в данной заметке Виталия Лазаревича Гинзбурга именовать ВЛ, хотя и не знаю, принята ли была эта аббревиатура среди его учеников и коллег.

Естественен вопрос: имеет ли смысл, говоря о большом учёном, вообще обсуждать что-то, к его научной деятельности прямо не относящееся? Ответ даёт сам ВЛ: «Если мы хотим составить достаточно полное представление о человеке, то должны узнать о нём многое. Конкретно, хотелось бы узнать, во-первых, каково его мировоззрение, включая сюда отношение к религии. Во-вторых, интересны его политические взгляды. Далее, в-третьих, следует характеристика профессиональной деятельности» [1]. Данная статья касается главным образом, но не только, первых двух пунктов.

Однако начну с нашего знакомства, одностороннего и относящегося, насколько помню, к концу шестидесятых. Тогда я впервые увидел ВЛ «в деле»: он, уже академик, выступал в Новосибирске с пленарным докладом о сверхтекучести нейтронных звёзд. По ходу доклада во мне зрел протест. Сверхтекучесть, на мой взгляд, могла существовать лишь на поверхности этого объекта, но не в объёме, как утверждал докладчик. С нетерпением я ждал конца выступления, чтобы задать «разоблачительный» вопрос, а там – будь, что будет. К публичной порке я был готов.

Оказалось, однако, что «любопытных» - довольно много. Слово получил Р. З. Сагдеев, задавший «мой» вопрос, притом, в утвердительной и чинонепочитающей форме. «Ну, что сейчас будет!», - подумал я, ожидая испепеляющих молний. Однако ВЛ спорить не стал, сказал, что поверхностная сверхтекучесть даже интереснее, чем объёмная, и начал развивать эту идею в течение следующего получаса. Я был поражён. Происшедшее показалось мне признаком научной слабости. В быстрой перемене точки зрения я увидел лишь поверхностность. Поразило, что ВЛ не нашёл, чем «испепелить» своего оппонента². А я уже к тому моменту видел процедуру «испепеления» в исполнении такого гроссмейстера этого дела, как великий Ландау. Не скрою, инцидент меня огорчил, а ВЛ – разочаровал. В стремительной перестройке я, увы, умудрился не заметить Мастера физики, способного взглянуть на проблему с разных сторон, при которой внимания заслуживают иные, а не только свой, подходы.

Я нередко посещал семинар ВЛ, и так случилось, что пару раз работы, казавшиеся мне просто неверными, встречали похвалу руководителя семинара. Для меня тогда естественной казалась другая обстановка: найти ошибку, «загрызть» докладчика было «делом чести, славы, доблести и геройства». А тут – академическое благодушие... Это теперь мне семинарский разнос не кажется научным достижением. Скорее, напротив. А тогда вывод мой был скор - слабы они, включая и руководителя семинара. Тут ещё попало мне утверждение ВЛ в какой-то обзорной статье, что примерно 25 градусов по шкале Кельвина – наивысшая возможная температура сверхпроводника. И когда через пару лет, после открытия в 1986 К. А. Мюллером и Й. Г. Беднорцем³ сверхпроводников при 35° К началось триумфальное шествие вверх по шкале температур – я вспомнил прогноз ВЛ. Ошибка в предсказании и здесь была мною необоснованно переоценена.

Но к концу восьмидесятых моё отношение к ВЛ было уже иным. Сдвигу способствовало много факторов. Субъективно очень важным было осознание того, что моя работа по «атомному тормозному излучению» следует по сути из идей переходного излучения, высказанных ВЛ и академиком И. М. Франком, Нобелевским лауреатом, за сорок лет до того. Я уже в полной мере оценил и понял, что значит предельная концентрация ВЛ на своём деле, когда буквально каждый день им делалось что-то новое – этакий принцип «ни дня без открытия», о чём уже тогда свидетельствовал гигантский перечень его научных достижений. Да и лояльность к начинающим учёным и коллегам ценилась мною к тому времени весьма высоко.

Научную благожелательность и интерес со стороны ВЛ я почувствовал в полной мере и совсем недавно, когда в 2007, уже совсем немолодой и больной, он нашёл время и силы прочитать, разобраться, дать положительный отзыв, и принять к печати в своём

² Лишь через много лет я подумал – а, может, не захотел оппонента «испепелить»?

³ Нобелевская премия пришла к ним через год, в 1987 г.

журнале «Успехи физических наук» нашу с В. Р. Шагиняном и К. Г. Поповым обзорную, а значит – весьма длинную, статью о фермионной конденсации. Отмечу, что эта сравнительно новая идея в теории многочастичных систем встречается научной общественностью, мягко говоря, без всеобщего энтузиазма. Тем более, поддержка ВЛ стоит многого. Хорошо помню, как и в нашем, оказавшемся последним, разговоре, ВЛ спросил меня, чем я сейчас занимаюсь. Вопрос о том, как любой атом, помещённый внутрь фуллерена – полый оболочки, состоящей из несколько десятков атомов углерода, взаимодействует с потоком фотонов, его заинтересовал. Он сразу увидел в проблеме перспективу. Заданные вопросы были под стать авторитету и без минимальной скидки на возраст – глубоки и точны.

Как я уже отмечал выше, наше знакомство было, однако, связано не только и не столько с наукой, сколько с другими делами. В 2002 г., в разгар террористической войны против Израиля, помощь бандитам пришла с несколько неожиданной стороны – 125 учёных Западной Европы призвали прервать научные связи с Израилем в наказание за преследование террористов. Отношение к бандитам со стороны властей мне казалось непонятно мягким, а призыв разорвать научные связи с Израилем на фоне ежедневных атак террористов был настолько чудовищным по своей мерзости, что ни о каком поиске оправданий для учёных Израиля не могло быть и речи. Следовало не оправдываться, а атаковать. Этому послужил открытый и достаточно широко опубликованный затем наш ответ западным коллегам «Мы обвиняем»⁴. Мы упрекали этих 125 учёных и им сочувствующих в прямой и близорукой поддержке террора, которая отзовется и в их странах. Сила документа решающим образом определялась не столько текстом, сколько именами подписантов, среди которых был ВЛ, Е. Г. Боннер и академик Е. Л. Фейнберг.

В сентябре 2002 г. я был в Москве, на встрече лауреатов премии А. фон Гумбольдта. ВЛ получал её, в порядке исключения, не в Бонне, а в Москве. К моменту этой встречи мой скепсис в адрес ВЛ давно перешёл в стойкое восхищение им как большим учёным и личностью, что, увы, не всегда совпадает. Он выступил с докладом об основных проблемах современной физики. Такой доклад требовал знания и понимания всей физики в целом, что уже почти не встречается. Даже крупные учёные ограничивают себя рамками непосредственной работы.

Встреча с ВЛ поразила меня и в другом отношении. Узнав, что я знаком с ситуацией в Израиле не понаслышке, он начал разговор словами: «Что это у вас эти левые с ума посходили и отбились от рук?» Я попытался ответить, и получил рекомендацию «что делать», которую, лишь слегка упрощая и огрубляя, можно передать словами «Да наплюньте вы им полную харю!». Несколько ошарашенный, поскольку встреча была далеко не тет-а-тет, я ответил: «Виталий Лазаревич, у меня уже не хватает слюны!»⁵. Вскоре точку зрения ВЛ на «детскую болезнь левизны» и способ её лечения я его словами передал слушателям в интервью радио РЭКА.

Последовавшие разговоры на Гумбольдтовской конференции показали, что ВЛ следит за происходящим в Израиле с большим вниманием. Степень заинтересованности явно не объяснялась только тем, что одна из внучек ВЛ живёт в Израиле. Уместно напомнить, что ВЛ был в этой стране несколько раз, что первой его международной премией, принесшей деньги, так необходимые для существования в России периода экономических реформ, или попросту грабежа, была присуждённая ему в 1994 г. престижнейшая израильская [премия Вольфа](#).

Проблема взаимоотношения с буйными соседями Израиля, его выживания во враждебном окружении волновала ВЛ. Он не видел возможности мирного сосуществования с палестинскими арабами, о чём и писал [1]: «Допустить такую возможность в ближайшем будущем (или делать вид, что они её допускают) могут только

⁴ Текст был составлен автором данной статьи и проф. М. Е. Перельманом.

⁵ См. пародию на Маяковского в книге Архангельского «Парад бессмертных»: «А у меня уже не хватает слюны. Шлите почтой: Нью-Йорк, Маяковскому!»

совершенно безмозглые банкроты, добившиеся в своё время пресловутых соглашений Осло». И сегодня, к сожалению, вполне актуально сказанное ВЛ в [начале 2004](#): « Слепота, безответственность, преступная наивность - вот характерные черты этих "прогрессивных либеральных левых интеллектуалов" XX века. Могли бы наши современники чему-то научиться, усвоить элементарные уроки истории! Но нет, поддерживают явного бандита Арафата, уличенного в казнокрадстве, лжи, организации террора. Оправдывают, по сути дела, террористов, всех этих талибов и шахидов, которых колонизаторы, империалисты, сионисты вынуждают якобы делать свое черное дело. ... Любые уступки Арафату и ему подобным только ухудшат ситуацию, обернутся новыми жертвами. Разве сторонники этой обанкротившейся политики уступок и соглашательства не должны отвечать за свои действия?». Лишь имя бандита изменилось за пятилетку, а суть безмозглой поддержки со стороны людей, заинтересованных материально или бескорыстных, так называемых «полезных идиотов» – нет...⁶

Решение проблем взаимодействия Израиля с окружением ВЛ видел в чётком разделении «мы здесь – они там», т.е. в создании «двух государств для двух народов». Он полагал, но был в этом не уверен, что именно «поселенцы» есть препятствие к такому решению, а потому, считал он, изолированные посёлки следует убрать. При этом забота о «втором государстве» не должна касаться Израиля – это дело «собратьев в богатых арабских странах».

Однако вопрос о судьбе поселений ВЛ считал для себя, тем не менее, открытым. Неуверенность ВЛ отразилась в посланном мне письме: «Но вот мне недостаточно ясен вопрос о "поселениях" и т.п. Поэтому и пишу, и хотел бы узнать Ваше мнение». В ответ я, сам и совместно с М. Е. Перельманом, объяснили неправильность его отношения к данному вопросу, равно как вредность и невозможность реализовать идею «Два государства для двух народов». В более поздних разговорах его отношение ко всем жителям Иудеи и Самарии стало иным. Мы же с Перельманом, буквально отвечая на вопросы ВЛ, написали статью [«Коротко о поселениях и поселенцах»](#). Нам удалось убедить его, что эти жители ни в малейшей мере не есть препятствие миру вокруг и внутри Израиля, и что свою землю Израиль отдавать не должен, да и на этом пути мира не получишь. Мне казалось, что подобные доводы ВЛ убеждали. Проблема земли Израиля волновала не только ВЛ. В этой связи вспоминаю то, что вычитал у крупнейшего израильского физика Ю. Неемана: «Я рассказал Лифшицу⁷ о различных планах мирного урегулирования. Вдруг у Лифшица вырвалось: “Нельзя нам отдавать ни пяди земли!” Мне запомнилось это “нам”» [2].

Характерно, что отношение к Голанским высотам у ВЛ с самого начала было иным. Эту проблему он знал лучше. Он ясно понимал беспочвенность требований Сирии в этом вопросе, поскольку Сирия владела Голанскими высотами всего с 1944 по 1967 – маловато для того, чтобы считать земли исконно своими. Вот что писал ВЛ в [1]: «Я сам там был и видел развалины большой древней синагоги. Почему же это «исконная сирийская земля»? Сирия напала на Израиль, была разгромлена и потеряла Голанские высоты. ... Её потеря – плата за агрессию».

Безопасность Израиля тесно связывалась ВЛ с проблемой справедливости мироустройства. Но его позиция определялась и ощущением им своего еврейства. Человек абсолютно нерелигиозный, ВЛ, тем не менее, еврейство глубоко ощущал и говорил о нём открыто. Очень точно это отражено в словах, вынесенных в эпиграф. Он также писал: «Ярким проявлением у меня еврейского национального чувства являются стыд и негодование, когда я сталкиваюсь с евреем-негодяем и, вообще, отрицательной личностью. Одновременно меня радует, если достойный человек является евреем. Так, я очень рад, что

⁶ Увы, не изменилась во многом и политика правительства Израиля, изо всех сил пытающегося доказать миролюбие Израиля мировому сообществу, страдающим «слепотой, безответственностью, преступной наивностью».

⁷ Имеется в виду академик Е. М. Лифшиц.

Эйнштейн был евреем, да и немало других выдающихся людей». Уместно вспомнить, что ВЛ был членом президиума Еврейского конгресса России.

Кстати, ВЛ признавал и огромную роль иудаизма в сохранении еврейского народа в течение тысячелетий вне своего государства, высоко оценивал роль синагог как объединяющего еврейский народ начала. В ответ на моё замечание, что я не дорос до атеизма, ВЛ ответил, что иногда, чисто эмоционально, завидует верующим, поскольку с искренней верой жить легче. Эту точку зрения понимаю и принимаю. В то же время, ему казалось, что в Израиле роль религии очень велика, и он считал, что во имя равноправия с неверующими, её необходимо существенно ограничить. С этой позицией согласиться я не мог, и приводил контрдоводы. А ВЛ не только говорил и убеждал, но умел слушать и изменять своё мнение даже в научных вопросах.

Отношение к своему народу и происхождению со стороны крупного, широко известного человека - непростой вопрос, в особенности, если этот человек – не религиозен. Тем более, что на Западе этническое происхождение подменяется обычно принадлежностью к определённой религии. Помню, как удивляло моих знакомых иностранцев, когда я говорил о своём еврействе, отмечая в то же время, что отнюдь не следую строго канонам иудаизма.

Знаю сам, да и читал, о ряде известных учёных, и не только учёных, которые старательно обходили публичное обсуждение темы своего еврейства вообще и выдающегося вклада евреев в мировую культуру в особенности. Свои успехи они видели в не зависящей от этнического происхождения случайной комбинации генов, т.е. своей личной особенностью. Так, в беседе М. Гелл Манна и Ю. Неемана с Р. Фейнманом, тот отрицал, что среди знаменитых физиков непропорционально много евреев. «Возьмите венгров, тоже маленький народ. А из него вышли и Ю. Вигнер и Э. Теллер», - говорил Фейнман. Оказалось, он не знал, что оба упомянутых им – евреи⁸. Кстати, Фейнман не разрешал поместить своё имя и биографию в книгу, посвящённую евреям – лауреатам Нобелевских премий, считая саму классификацию лауреатов по национальности надуманной.

Отмечу, что другой знаменитый физик в своей книге – автобиографии умудрился не коснуться «дела врачей», хотя ему, еврею по матери, было в то время больше двадцати лет, и ничего об этом деле не зная он просто не мог. ВЛ же и этой позорнейшей страницы в истории сталинщины в СССР не обошёл. Вполне ощущая, куда сегодня дует общественный ветер в России, он счёл нужным не только сказать, но и написать: «К огромному счастью, Великий Вождь не успел доделать задуманное и умер или был убит 5 марта 1953 г. Этот день многие в бывшем СССР (мы с женой, во всяком случае) до сих пор отмечают, как большой праздник».

Можно подумать, что проблемы Израиля, и еврейство суть какие-то мелочи, о которых в применении к знаменитому учёному и упоминать то не надо. Так сказал мне однажды очень известный российский писатель: «Что вы, Мирон, всё время носитесь с этими провинциальными проблемами?». Я ответил, что, коль они провинциальны, то почему не уходят десятилетиями с первых страниц газет, новостных блоков радио и ТВ, представляют предмет занятий ведущих политиков крупнейших стран мира. Да что, десятилетия – эта «провинция», этот «провинциальный» народ был объектом внимания тысячелетия. То, что зарождалось здесь, на территории сегодняшнего Израиля определило ход дальнейшей истории фактически всего человечества.

В этой статье я хочу рассказать также об одном не чисто научном вопросе, в котором пересёкся с ВЛ. Речь идёт о так называемом «индексе цитирования», т. е. числе ссылок на данного автора в научной литературе как важной и объективной характеристике исследователя. Ни я, ни ВЛ этот индекс не изобрели. Он известен давно, но лишь использование персональных компьютеров и сети Интернета сделало его легко

⁸ Об этом мне рассказал проф. Ю. Нееман

доступным. Я увлёкся этим индексом, когда выяснил, сколь просто с его помощью можно отделить заведомого авантюриста от приличного учёного. Затем расширил поиск и обнаружил, что значительное число учёных, избранных академиками РАН, например, в 2008 г. имеют очень низкий индекс цитирования, просто выдающийся вниз, на фоне своих западных коллег. Хотя понимал, что этот индекс имеет свои недостатки и его не стоит абсолютизировать, обнаруженный результат показывал – неладно что-то в Российской академии наук. Однако для того, чтобы сказать об этом открыто, нужна была моральная поддержка человека авторитетного, чей собственный индекс цитирования – вполне высок, а авторитет и личная порядочность – безупречны.

И вот, читая раздел «Трибуна» журнала «Успехи физических наук», я набрёл (случайно!) на статью ВЛ, где он писал: «Отделение физических наук РАН слывет, если не ошибаюсь, одним из самых «приличных». И что же могу сказать об отборе кандидатов в этом Отделении, где я много раз был членом экспертной комиссии. Не помню случая, чтобы кто-нибудь поинтересовался *Индексом цитирования у кандидата*⁹ и имело место обсуждение его работ. Все делается в спешке и только непосредственно перед выборами». И в личном разговоре с ВЛ выяснилось, что учёт индекса цитирования для оценки вклада учёного он считает необходимым, хотя, разумеется, отнюдь не достаточным.

Хочу затронуть ещё один важный вопрос, касающийся оценки научных достижений, более точно – Нобелевских премий по физике. Почти после каждого присуждения раздаются голоса, утверждающие, что и на этот раз Россию, как и ранее СССР, на «пиру наград» обнесли. Проще всего на эту тему промолчать, слушая, как совсем непричастные, абсолютно не знающие принципа награждения, завещания Нобеля, механизма отбора кандидатов и выбора лауреатов рассуждают о «злых кознях» американского научного лобби, о запретах получать премии со стороны партийных бюрократов в СССР, и прочей чепухе. Сказать неприятную правду всегда труднее, чем промолчать. Она, эта правда, требует определённой смелости, как и открытое сообщение о своём еврействе. С другой стороны, вероятно прав был Е. Евтушенко, когда писал «Мне говорят – ты смелый человек. Неправда, никогда я не был смелым. Считал я просто недостойным делом унизиться до трусости коллег».

Я получал приглашения номинировать на Нобелевскую премию в течение ряда лет, ВЛ, как выяснил в разговоре с ним, гораздо дольше. Оказалось, что его взгляды на причину недодачи близки к моим. Сформулировав шутивную теорему, что получение Нобелевской премии по физике есть лишь проблема дожития, ВЛ чётко и открыто отрицал обвинения в адрес Нобелевского комитета по физике в какой-то антисоветской или антироссийской предвзятости. Моя точка зрения встречала у ВЛ понимание. Я же полагаю, что основная причина малого числа советских или российских Нобелевских премий заключается в качестве работ. Ведь недостаточно первым сказать весьма неконкретное «э». Необходимо, чтобы это «э» обросло конкретным содержанием. Существенно сказываются и в общем малые затраты на научный поиск и на науку в целом в России, да и СССР. Свою важную и негативную роль играет и почти традиционная недоброжелательность коллег-соотечественников, и многолетняя традиция несвободы, которая неизбежно сковывает и научную фантазию страхом ошибиться.

Эйнштейн говорил, что бывают моменты в истории страны и народа, когда общественная деятельность учёного становится важнее его профессиональной. Многочисленные интервью, появление дискуссионной «Трибуны УФН», борьба с лженаукой и анти-наукой, с попыткой Русской Православной церкви проникнуть в школу показывают, что ВЛ сложившуюся в России ситуацию понимал, и отмалчиваться считал для себя неподходящим. Ему было что сказать «народу и городу», и все возможности для этого, совсем немалые у Нобелевского лауреата, он использовал очень эффективно

⁹ Выделено мною - МА

буквально до самого конца своей жизни. Не менее важно, правда, чтобы «народ и город» слушали и слышали, что ему говорят.

Вместе с другими девятью академиками, включая Нобелевского лауреата Ж. И. Алфёрова, ВЛ написал письмо президенту России против клерикализации российского общества, против рассмотрения теологии как науки, против попыток вернуть православный «Закон Божий» в среднюю школу. Несмотря на все звания подписавших, письмо это удалось опубликовать с трудом. Оно стало объектом полемики и жёсткой критики в обществе. Но ВЛ был борцом, и твёрдо отстаивал свои убеждения. Результат не замедлил сказаться: в июле 2007 православное общественное движение «Народный собор» потребовало от прокуратуры Москвы привлечь ВЛ за «возбуждение религиозной вражды, оскорбление многих десятков миллионов христиан России». Это была неправда – ВЛ никого не оскорблял и вражды не возбуждал, хотя в выражениях бывал и резок.

Отмечу, что ВЛ считал и Израиль государством, где роль религии чрезмерна и создаёт угрозу гражданским правам неверующих. Он, однако, отчётливо понимал, что в конкретных условиях существования Израиля, как и во всей истории еврейского народа, религия играла особую и сберегающую нацию роль. Я с близкого расстояния подобной угрозы правам неверующих не вижу, а потому с представления ВЛ о засилье религии в Израиле не соглашался.

Хочу упомянуть ещё об одном, далеко не несущественном аспекте деятельности ВЛ. В 1998 году по его инициативе при Президиуме РАН была создана Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Она включала известных учёных. С 2006 г. ими издаются сборники «В защиту науки». Разумеется, лже- и псевдонаука существуют во всём мире. Но они расцветают там, где доминирует закрытая, строго централизованная внеконкурсная система финансирования, причём особенно в периоды социально-экономических потрясений. Именно на волне голодных лет расцвёл Лысенко – несмыаемый позор Советской науки. По сравнению с ним мелочью кажутся и пресловутые «торсионные поля» недавнего времени, и ловкий проходимец Петрик - автор патента на очистку воды от всего, и много-много другого. Отмечу, что созданная по инициативе ВЛ комиссия работает с большой энергией. Неплохо бы её сделать международной – ведь по своим экономическим последствиям даже лысенковская афера меркнет по сравнению с мифическим антропогенным глобальным потеплением, на посиделки с обсуждением которого собралось в середине декабря 2009 г. в Копенгагене 120 (!) глав государств – просто мировой парад по случаю выхода в свет «короля» в «новом наряде», однако без мальчика, способного во всеуслышание сказать «король гол».

Наше близкое знакомство с ВЛ было кратким, в основном по моей вине, но для меня чрезвычайно важным и стимулирующим. Именно поэтому позволю себе закончить данную заметку теми же словами, что и поздравление главному редактору «Успехов физических наук» Виталию Лазаревичу Гинзбургу в связи с девяностолетием журнала: *Я счастлив, как зверь, до ногтей, до волос, / я радостью скручен, как вьюгой, / что мне с командиром таким довелось / шаландаться по морю юнгой*¹⁰.

[1] V. L. Ginzburg, *On superconductivity and superfluidity. A scientific Autobiography*, Springer, (2009). *Автобиография* (Приложение к Нобелевской лекции, 2003) Прислана с надписью ВЛ «Это главное!» с указанием разделов, в основном обсуждающихся в данной статье.

[2] В. Л. Гинзбург, Об атеизме, религии и светском гуманизме, Москва, ФИАН, 2009.

[3] А. М. Блох, Нобелевская премия - популярно обо всём, Москва, БуКос, 2008.

[4] В. Каджая, Диякон бесстыжий или как делают антисемитом, Москва, 2008.

¹⁰ С. Кирсанов

- [5] В.Л. Гинзбург, *Несколько замечаний об атеизме, религии и еврейском национальном чувстве*, Сетевой альманах «Заметки по еврейской истории», [№23, 2002](#)
- [5] В.Л.Гинзбург, *Заметки об атеизме, науке и религии в современном мире*, Сетевой альманах «Еврейская старина», [№8, 2002](#)
- [7] Ю. Неeman, *Политика без иллюзий*, Иерусалим, 1988.

Иерусалим